

ГАРРИЕТ БИЧЕР-СТОУ

ХИЖИНА
ДЯДИ ТОМА

ГАРРИЕТ БИЧЕР-СТОУ

ХИЖИНА
ДЯДИ ТОМА

#эксмодетство

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б67

Бичер-Стоу, Гарриет.

Б67 Хижина дяди Тома / Гарриет Бичер-Стоу ; [пер. с
англ. В. Вальдман]. — Москва : Эксмо, 2018. — 640 с. : ил.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-38717-5

© В. Вальдман, наследники, 2009
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ГЛАВА I, в которой читатель знакомится с «гуманным» человеком

Суровый февральский день склонялся к вечеру. В маленьком городке П., в штате Кентукки, два джентльмена сидели в уютной столовой за бокалом вина. Они были одни. Сдвинув поближе стулья, джентльмены углубились в серьезный деловой разговор.

Мы из вежливости сказали «два джентльмена», но, строго говоря, это определение вовсе не подходило к одному из собеседников. Это был невысокий коренастый человек с грубыми, маловыразительными чертами лица. Он держал себя с наглостью и напыщенностью, свойственными людям, которые, не стесняясь в средствах, пробивают себе путь к успеху. Одет он был с большой претензией — его пестрый жилет и синий в желтую крапинку галстук, завязанный огромным замысловатым узлом, вполне подходили к его крикливо-франтоватому виду. Грубые пальцы его рук были унизаны множеством колец, и на тяжелой золотой цепочке от часов болтались самые разнообразные брелоки, кото-

рыми он самодовольно позвякивал в пылу разговора. Речь его отнюдь не соответствовала правилам грамматики, и сдабривал он ее время от времени такими красочными проклятиями, которые я, при всем моем стремлении к наибольшей правдивости, не могу здесь привести.

Его собеседник, мистер Шельби, производил впечатление человека образованного. Вся окружающая обстановка свидетельствовала об обеспеченности и даже значительном материальном благополучии. Оба собеседника были поглощены разговором.

— Вот именно так я и желал бы уладить это дело, — произнес мистер Шельби.

— На такие условия я не могу согласиться, никак не могу, мистер Шельби! — ответил его собеседник, приподняв бокал и рассматривая на свет налитое в него вино.

— Но примите во внимание, Хеллей: Том в самом деле замечательный парень и, безусловно, стоит этой суммы. Он спокоен, честен, умен, так что всю работу на плантации он наладил, как часовой механизм.

— Вы имеете в виду: честен, как может быть честен негр, — заметил Хеллей, наливая себе рюмку бренди.

— Нет, я имею в виду настоящую честность. Том — хороший, работающий, разумный и благочестивый человек. Я доверил ему все мое имущество — деньги, дом, лошадей, разрешил ему свободно передвигаться по окрестностям. Он вполне оправдал мое доверие.

— Немало людей, Шельби, считают, что верующих негров не бывает, — с ударением про-

изнес Хеллей. — Но я готов допустить, что ваш Том верующий. В последней партии, которую я пригнал в Орлеан, был один — стоило послушать, как эта скотина молилась! Лучше всякой проповеди! И притом — кроткий, покладистый. Ну и заработал я на нем порядочно деньжонок! Я приобрел его на аукционе — продавалось имущество несостоятельного должника, и достался он мне чуть не даром. Я получил на нем шестьсот долларов чистой прибыли! О да! Благодетельство у негра — вещь ценная, разумеется, если товар неподдельный.

— Что касается Тома, его благодетельство и преданность — товар, во всяком случае, неподдельный, — промолвил мистер Шельби. — Не далее как прошлой осенью я послал его одного по моим делам в Цинциннати¹. Он должен был привезти мне пятьсот долларов. «Том, — сказал я ему, — я доверяю тебе, зная, что ты человек честный и порядочный. Ты меня не обманешь». И Том действительно вернулся. Я знал, что так будет. По имеющимся у меня сведениям, какие-то негодяи спрашивали его, почему он не удрал в Канаду. «Мой господин доверял мне, — ответил Том, — поэтому я не мог так поступить». Вся эта история стала мне известна. Должен признаться, что мне очень тяжело расстаться с Томом. Вам следовало бы, Хеллей, принять его в покрытие всего долга; вы так и поступили бы, будь у вас совесть.

¹ *Цинциннати* — город в штате Огайо, откуда невольник легче всего мог бежать в Канаду.

— Ого! Совести у меня ровно столько, сколько нужно деловому человеку. Ровно столько, чтобы при случае поклясться ею, — продолжал в шутливом тоне торговец. — Кроме того, я готов сделать все в пределах разумного, лишь бы услужить моим друзьям. Но то, что вы предлагаете, — это уж через край! Этого я не могу. — При этом Хеллей, вздохнув, снова наполнил до краев свой бокал.

— Так как же, Хеллей? Какие условия вы ставите?

— Неужели у вас не найдется мальчишки или девчонки, которых вы могли бы продать вместе с Томом?

— Хм, право, не знаю... Говоря по совести, меня только тяжелая необходимость заставила прибегнуть к продаже. Мне не хотелось бы расставаться ни с кем из моих людей.

В эту минуту распахнулась дверь, и в комнату вбежал мальчик-квартиронец¹ лет четырех или пяти. Ребенок был на редкость красив и привлекателен. Черные шелковистые кудри обрамляли круглое личико с ямочками на щеках, а большие темные глаза, одновременно мягкие и огненные, из-под густых, длинных ресниц с любопытством оглядывали присутствующих. Аккуратно сшитое платьице из красной с желтыми квадратиками материи хорошо сидело на его маленькой фигурке и очень шло ему. Забавная застенчивость, смешанная с известной уверенно-

¹ *Квартиронец* — человек, у которого одна четверть крови негритянская (от лат. «*кварта*» — четверть).

стью, показывала, что он привык встречать ласку и внимание со стороны своего господина.

— Хэлло, Гарри-галчонок! — крикнул мистер Шельби и, свистнув, бросил ему гроздь темного винограда. — На, подбери!

Ребенок кинулся со всех ног за подачкой.

— Подойди-ка сюда, Гарри-галчонок! — смеясь, позвал его Шельби.

Мальчик подошел, и Шельби, погладив его по кудрявой головке, взял его за подбородок.

— Ну вот, а теперь покажи нашему гостю, как ты умеешь петь и танцевать.

Мальчуган сразу же своим чистым, звучным голоском затянул одну из полудиких, забавных песенок, которую часто поют негры, сопровождая пение целым рядом комических движений рук, ног и всего тела. Видно было, что он всем существом ощущает ритм.

— Bravo! — воскликнул Хеллей, бросая ему четвертушку апельсина.

— А теперь, Гарри, покажи, как ходит старый дядя Кудж, когда его мучает ревматизм! — крикнул мистер Шельби.

Гибкие члены мальчика сразу же словно скрючились и стали неподвижны. Сгорбившись и опираясь на палку своего господина, он заковылял по комнате, сплевывая по сторонам.

Сидевшие за столом хохотали во все горло.

— А теперь, Гарри, покажи-ка, как Роббинс, председатель церковного совета, запекает псалом.

Ребенок по мере сил вытянул свое пухленькое личико и с непоколебимой торжественностью гнусаво затянул какую-то церковную мелодию.

— Ура! Браво! — завопил Хеллей. — Вот молодец! Из него выйдет толк! Я вам кое-что скажу, — добавил он неожиданно шепотом, хлопнув Шельби по плечу. — Прикиньте этого мальчугана, и дело в шляпе. Давайте по рукам, и все будет в порядке...

Дверь тихо раскрылась, и вошла молодая квартеронка лет двадцати пяти.

Достаточно было перевести взгляд с ребенка на эту женщину, и сразу можно было угадать, что это его мать. У нее были такие же темные блестящие глаза, такие же шелковистые черные вьющиеся волосы. На смуглых щеках ее проступил заметный румянец, еще более сгустившийся, когда она поймала на себе беззастенчивый, полный восхищения взгляд незнакомого человека, сидевшего за хозяйским столом. Платье плотно облегалo ее стан, обрисовывая прекрасные линии ее тела. Красивые руки, изящная форма ног — ничто не ускользнуло от внимательного взора торговца, умевшего сразу определить ценность добротного женского товара.

— Что тебе, Элиза? — спросил мистер Шельби, заметив, что она в нерешительности глядит на него.

— Простите, мастер¹, я пришла за Гарри.

Малыш подбежал к ней, хвастая добычей, которую он завернул в подол своего платья.

— Хорошо, уведи его, — сказал Шельби, и она, поспешно подхватив на руки ребенка, вышла из комнаты.

¹ *Мастер* — хозяин раба.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул торговец, с восхищением оборачиваясь к хозяину дома. — Вот это товарец! На этой девушке вы можете в любое время, если захотите, заработать в Орлеане состояние. Мне случалось видеть, как платили по тысяче долларов за девчонок, которые были ничуть не лучше этой.

— Я не намереваюсь наживать на ней состояние, — сухо возразил Шельби. Желая переменить тему разговора, он откупорил новую бутылку вина. — Отведайте, — произнес он, обращаясь к Хеллею, — и скажите, какого вы мнения об этом напитке.

— Великолепно, сэр! Первый сорт! — объявил торговец, затем, фамильярно похлопав мистера Шельби по плечу, он продолжал: — Ну так как же? Согласны вы заключить сделку насчет девушки? Что вам предложить? Сколько вы за нее хотите?

— Мистер Хеллей! Я не могу продать ее. Жена моя не согласится отдать ее ни за какие деньги.

— Чепуха! Женщины болтают всякий вздор потому, что не умеют считать. Разъясните им только, сколько часиков, шляп, драгоценностей они смогут купить за эти деньги, и они начнут по-новому смотреть на дело.

— Я уже сказал вам, Хеллей, что об этом и речи быть не может. И уж если я сказал: нет, — значит, нет! — решительно заявил Шельби.

— Но мальчишку вы мне все же добавьте, Шельби. Вы должны отдать мне справедливость: я предложил за него хорошую цену.

— На что вам, черт возьми, дался этот ребенок?

— Штука в том, что у меня есть приятель. Он скупает красивых мальчиков и выращивает их для рынка. Это предмет на любителя: красивые слуги для богачей, которые могут выложить достаточную сумму. По-настоящему красивый мальчик, открывающий дверь и подающий к столу, — украшение для хорошо поставленного дома. На этих ребятах можно хорошо заработать. А ваш маленький чертенок такой забавный да еще музыкальный зверек, что вполне подойдет для такой цели.

— Мне очень не хотелось бы продавать его, — проговорил в задумчивости Шельби. — Я человек гуманный, и мне неприятно отнимать ребенка от матери.

— В самом деле?.. Да это и вполне естественно, я вас понимаю. Нелегко подчас бывает управиться с этим женским полом. Их визг и рев мне тоже невтерпеж. Да и работе мешает. Поэтому я свои дела обычно устраиваю так, что мне всего этого слышать не приходится. А что, если б вы эту женщину на денек-другой куда-нибудь услали? Все было бы кончено раньше, чем она вернется домой. Ваша жена могла бы купить ей пару сережек, платье или другую ерунду, чтобы ее успокоить.

— Боюсь, что это не уладит дела.

— Да, разумеется, уладит! Эти существа ведь не похожи на белых: они все переживут, лишь бы умно взяться за дело. Говорят, — произнес Хеллей, придавая своему лицу чистосердечное и благодушное выражение, — говорят, будто бы моя деятельность убивает всякую чувствительность. Но я с этим не согласен. Я никогда не

действовал теми способами, к которым прибегают другие. Мне приходилось встречать торговцев, которые вырывали ребенка из рук матери и выставляли его тут же на продажу, тогда как женщина здесь же рядом вопит как зарезанная. Крайне неразумно! Портит товар, может привести его в полную негодность. Я помню случай, когда красивую женщину таким способом совершенно загубили. Покупатель, который приобрел ее, ни за что не хотел брать ребенка, а она, когда в ней закипала кровь, становилась упряма, как животное. Представьте себе только: она изо всех сил прижала к себе детеныша, болтала всякий вздор и вообще вела себя черт знает как. Меня в дрожь бросает при одном воспоминании. Когда у нее вырвали ребенка, она совсем осатанела, а неделю спустя умерла. Чистый убыток в тысячу долларов, и все из-за недостатка осторожности — больше ничего. Гораздо разумнее, как подсказывает мне опыт, действовать по возможности гуманно.

Торговец откинулся на спинку стула. Лицо его выражало уверенность в собственной добродетели.

Шельби задумчиво чистил апельсин, а Хеллей все никак не мог расстаться с увлекшей его темой:

— Самого себя хвалить обычно не полагаются. Я говорю об этом только потому, что это сущая правда. За мной укоренилась слава, что я обычно пригоняю на рынок самые лучшие гурты негров. По крайней мере, так мне многие говорили в лицо. Я проделывал это не раз и не два, а сотни раз, и всегда все в отличном состоя-

нии: толстые, упитанные. Кроме того, ни у одного другого торговца нет такой малой убыли. Все это я отношу за счет моего способа обращения, основой которого является человеколюбие.

Шельби не нашелся, что ответить, и поэтому только неопределенно протянул:

— В самом деле?

— Случалось, меня за мои принципы высмеивали и пытались убедить, что я не прав. Но я крепко стоял на своем и заработал на этом немало денег. Клянусь богом, мои принципы окупились!

Торговец захохотал, полагая, что удачно сострил.

Это представление о гуманности было так противоестественно и нелепо, что Шельби не мог удержаться и расхохотался вместе с ним. Быть может, смеешься и ты, читатель, но ведь тебе известно, что гуманность у нас в Америке проявляется в самой неожиданной форме и «гуманные» люди подчас говорят и делают совсем неожиданные вещи.

Смех Шельби подбодрил торговца, и он продолжал:

— Просто удивительно, что мне никак не удавалось вбить это в головы тем, с кем приходилось иметь дело. Вот знали бы вы моего компаньона Тома Локера там, на Юге, в Нахчецце. Том Локер был умный парень, но по отношению к неграм — настоящий черт. И знаете — из чистого принципа. Это была его *система*, и все тут. Случалось, я делал попытку урезонить его. «Том, — говорил я ему, — что пользы бить твоих девок по голове и толкать их, когда они кри-